Вшестером на землях Буков

Маруся Чуркина

…В нем нет слов, лишь мат и слюни,

И совсем немножко текста,

Приблизительно такого…

День минус первый. Завязка. (27.10.18.) В эту субботу, ничем не предвещавшую последовавших за ней событий, проходил дистанционный (!) муниципальный этап по биологии, причем в нашей школе. И, разумеется, потому в нашем классе присутствовало от силы пять законных учащихся. Мы пользовались заслуженной свободой, распевая песни все полагающиеся четыре урока, изредка меняя дислокацию. Настроение какое-то чемоданное.

После четвертого урока мы с Шепелем, которого силой, но затащили на олимпиаду, встретились с Полиной и двинули на Казанский вокзал. В метро моих спутников испугала ехавшая с нами в одном вагоне… собака, наверное. В общем существо с витыми рогами, горящими адским огнем глазами, сине-серой шерстью и соответствующими размерами. Оно сидело, подозрительно косясь в нашу сторону: «Знаешь, что сам меня обидел?» - Полина перестаралась с амплитудой тыканья пальцами и громкостью обсуждения психических расстройств, которые Оно вызывает у детей.

На вокзале Полина первым делом купила себе книгу 18+, на что сразу обратил общее внимание Шепель («Хиппи» Пауло Коэльо), и пару ручек в символический дар летописцу, который их (и еще много чего) забыл. На перроне дождались Люшу, Петровича и Чумичку. Сели (у нас было три боковушки в ряд) и, конечно, сразу начали употреблять: курицу в пакетах из-под молока, мандарины, потом и большой торт с ананасами (почти вся роскошь была творениями Петровича). После такого великолепия, конечно, грех было не завалиться спать, что я и сделала поверх всех матрасов и белья, сваленного на верхней полке. Полина сразу обозвала это «пещерой».

Проснулась я под громкий смех, явно не в первый раз напрягавший наших попутчиков по всему вагону. Полина зачитывала куски «Хиппи» для Шепеля, конкретно о вреде чтения и пользе безумства. Шепель краснел, и утыкался лицом в ладони. На достигнутом она не остановилась, постоянно подначивая Чумичку поиздеваться над нами, а потом дав Шепелю «Хиппи», при этом без возможности ознакомиться с представителями бомжеватой субкультуры (сложно читать, когда вся кровь, в том числе от глаз, отлила к ушам и шекам), так как долго их комментировала для нас, расписывая сюжетные повороты, особенности употребляемых веществ, пользу прочтения отдельно для нас...

В итоге выяснилось, что то был длинный пролог к тому, что на финишной прямой пути к себе главная героиня провела ночь со своим психотерапевтом. Когда это выяснилось, Шепель, цветом сравнявшийся с известным купающимся конем, отбрыкнул книжку в сторону Полины и единым прыжком оказался на своем месте. Однако даже соседство с нами, уже готовившимися принять смерть от удушья смехом, его не удовлетворило. Погромыхав посудой, он смылся за чаем. Я передаю Чумичке «приветы» от Кошатины – тыкаю ее, она очень удачно села спиной ко мне.

Остановились в Воронеже. Петрович на одной ноге усвистал от нас в самый конец перрона размяться. Ревеннорыл подрался с Homo floresiensis за первенство (т.е. вторвенство после Полины) по затыкиванию. Разнял нас поезд и завывания проводницы. В соседнем купе некий дядичко травил страшилки про ботаников из Питера, а Шепель по ходу дела корчил страшные рожи. Каждого из доблестных служителей науки настигла трагическая судьба: кого от мужика с

кувалдой ночью в лесу, кого от подлого соавтора, столкнувшего с обрыва, кого от ядовитого салата, собранного в ближайшей канаве… Рассказывал он так себе, но оторваться было сложно. Всю ночь потом мне виделись похожие сюжеты в нашем ближайшем будущем. Право, хорошо, что я тут единственный не-ботаник.

День нулевой. Мотоматрица. (28.10.18.) На длинной «Казанской» запаслись едой. Как оказалось, вчерашние истории травил пятигорский специалист по типулидам, возвращающийся с ПИНовской конференции. Развязал он беседу прямо перед нашей высадкой, благодаря трилобиту, красноречиво сигналившему у меня со спины. За окном джинсово-синими волнами проплывают заросли терна. Высадившись, почти сразу ввалились в заказанную желтенькую машинку. Армавир похож на что-то среднее между Ставрополем и Серпуховым. Жарко. Солнышко припекает по-весеннему, на газонах зеленеют пауки и белые медведи, уже облетевшие по большей части буки высятся в салатовых круглых пятнах омелы.

Водитель привычно заболтал с Полиной о погоде. Несмотря на то, что на Казанской было 26°, тут в шубах ходят. Ехать нам часа три. На выезде из города по обочинам остались коричнево-малиновыми скелетами сухих стволов акаций, вносящие элемент южного зноя, с большими повисшими засохшими стручками бобов, темных и блестящих, цвета темного шоколада. На подъезде впереди заснеженной вершиной встал хребет, краем салютовавшей красновато-розовыми бликами оранжевому солнцу, садившемуся за дымно-синие горы справа. Розовое небо, уже угасающее с одного конца, расчерчено облаками-змейками самолетиков. Тут-то Полина и велела морально подготовиться к десантированию в село Черниговское.

Через 15 минут усиленной аморальной подготовки перед нами предстал свежеокрашенный киноварный вагончик. Не только мы заинтересовались скорым отъездом «Мототриссы», или «Матрицы», как называют одно из немногих средств локального сообщения местные. Собственно, они и начали стягиваться в маленький салон, уже частично заполненный всем, что можно оттащить куда-нибудь в горы: мешками с зерном и удобрениями, досками, шинами и подвыпившими, продолжающими употреблять. Скамейки, выкрашенные белой краской, уже заставлены склянками темного стекла, обрывками газет и тарелочками с вяленой рыбой, семечками. Дополнив картину и свалив в углу напротив самой натуральной печки рюкзаки, мы отправились на краткую экскурсию по окрестностям.

Спускались по тротуару вниз, к реке Пшеха. Справа за заборами видны сады, в которых на глаза бросаются непривычные торчки разной экзотики, будь то банан или сумаха с ярко-розовыми пушистыми метелками цветов. Впереди встает и распрямляется дымчатый хребет на фоне лазури неба с оранжеватыми бликами облаков. Спустились в балку, густо поросшую высокими травами. Видно было, что река недавно разливалась – кусты по берегам стояли в плавнике и мелком мусоре. Противоположный берег чуть справа резко взлетал белизной исподней извести метров на пятнадцать. Пятнистое от облачков небо потемнело, стремясь слиться с горами.

Мимо вагончика поднимались в противоположную от реки сторону мимо «Дон-мага» - эпицентра здешней жизни, грохочущему маломелодичными, но мегамодными ритмами. Под собачий аккомпанемент дошли до узкоколеечного узла, заполоненного полувагонами с щебнем и лесом, цистернами и прочим сборищем разнородных железнодорожных причуд. Идем по рельсам, в правую руку светит винный Марс, над головой пронзает Млечный путь, рассыпавшейся аккурат посреди очистившегося свода, Лебедь: «Маршрут Черниговское-романтическое», прорекламировал Петрович. Вернувшись и пронаблюдав серьезное увеличение концентрации этанола в Мототриссе, Полина решила нам тоже принести выпить чего-нибудь эдакого, чтоб промимикрировать под местных, и пошла за кефиром. А мы стояли и, задравши головы аки кляча

столбнячная, любовались звездами. Вокруг нас трусят пара собачек. И вот, я пишу (почти) это, стоя с кефиром под мышкой и пряником в зубах, а Они (которые не невинные животные) меня смешат.

Вагончик наш, начиненный уже под завязку людьми с пивом, водкой, сосисками и картошкой на газетках, высотой метра три с полтиной, серый верх отделен от красного низа узкой белой полосой, рама черная. Из-за двух маленьких глазок-фар смотрится он подслеповато. Тронуться должны в 19:00. А пока Полина рассказывает, как в поезде попросила у их соседей из купе газету и обнаружила на ее полях переписку карандашом: «Она называет эту девочку «Чумичкой»!/ Я не понимаю, над чем они смеются!/ Они как будто с Марса.» Марс, кстати, все светит, Петрович с восторгом перечисляет кучу видимых только ему созвездий.

Пока мы любовались красотами небесными, местные еще пуще завалили вагончик, перегородив и без того узенький проход каким-то зерном и досками. Запах рыбы и спиртного окреп. Сумки на коленях наших попутчиков подозрительно звенят. Опять, – видимо, с автобусом – набилось еще народу, по мешкам пропрыгали пара мелких с мамой и забились в самый угол. У Полины что-то не ладится с батарейками в навигаторе. Протолкались и открыли кабину двое объемных дядек-водителей, включили лампочку и затопили. Поехали.

Вот и началось Приключение. Какие-то мужики остались ехать на двускатной лесенке сзади, Петрович тоже выскочил и завертел головой. Полина посоветовала мне зайти в кабину. Тут темно, звенит и трясет еще сильнее, а темное пространство впереди выхватывается светом подслеповатых глазок. Я пропитываюсь сильным запахом солярки. Аппарат управления странный, старый, мощный: множество кнопочек, рычажков и стрелочек за толстыми стеклышками с очень тугим на вид железным рычагом во главе. Мне удалось с ногами забраться на широкую накрытую пледом скамью у боковой стены. Вместе со мной здесь уместились чета московских ученых-лингвистов, часто путешествующих по Сибири в поисках новых диалектов народов долины Енисея. Тут они не по делам профессии, а просто к друзьям.

Эта часть нашего пути, как оказалось, принадлежит Апшеронской узкоколейной железной дороге, самой крупной в России. Строилась она с 1927 года, мы ехали через станцию «Десятый Километр» и на аппендикс с единственной станцией «Кушинка», на которой мы и выгрузились. После нее вагончик разворачивается и через Верхние и Нижние Тубы, которые мы видели в последний день, идет до поселка Отдаленный или Шпалорез, пройти через который еще предстояло. Людской вагончик ходит дважды в день: в семь вечера и шесть утра, и полюбоваться красотами полноценно нам не удастся, видно только звезды да рельсы спереди на пару метров. Чаще ходят вагоны с лесом. Местные жители раньше только им и занимались, но постепенно селения росли, теперь тут локально разводят пчел, свиней, птиц.

К нам присоединилась нескромная Чумичка. За боковыми окнами было темно, как в тартарарах, и мой фонарик выхватывал из темноты только стволы и стволики густых зарослей да резкие обрывы. Пару раз рельсы на коротких участках вовсе оставались без опоры, а под нами была пропасть. Когда Полина накануне отъезда звонила уточнить, поедет ли Мототрисса сегодня, ей многозначительно ответили, мол, да, если ее поднимут, ибо она часто падает. Куда – не уточнили. Лесистый обрыв спускался к реке, все той же Пшехе, за ней каменистый склон, справа тоже гора.

Вот и Шепель впихнулся к нашей скромной компании, которую вежливые попутчики угостили местными мандаринами. Проехали «Волчьи ворота» - две отвесные скалы, (сторожевым постом, будто Толкиновские Ворота Аргоната на реке Андуин), нависающие над Пшехой. Целиком мы их увидели только в тот краткий миг, когда они были прямо перед вагончиком. Потом из темноты высвечивались только маленькие освещенные участки, но даже они равно величественно стремились вверх и так же неприступно обрывались вниз. После «Десятого километра» водитель побежал переводить стрелку на небольшое ответвление до «Кушинки».

Вываливались быстро, медленнее выясняли маршрут. Идти нам на Большую Медведицу, потом повернули вслед за хвостом Лебедя. Минули окраину поселка («Падали звезды, скрипели ворота…» – Петрович) и начали месить разливную грязь, подсвечивая друг другу фонариком максимально мокрый путь. Полина уже дала команду переться вброд через реку, мы уже обреченно расчехлили болотники, но Петрович углядел буквально в тридцати метрах отличный навесной мост. Перейдя бурлящий поток, свернули с грязи на песчаную дорогу.

Шли минут двадцать. На подступах к ольховому лесу с негустыми зарослями орешника кружками набрали воды из неглубокого, но чистого ручейка. Под шум ревущей Куши, Чумичка с Полиной развели костерок и подали к ужину прекрасные спагетти. С оставшимся в маленькой бутылочке терияки, захваченной Петровичем из поезда. Пока суд да дело, Петрочич и Люша навесили низко над землей зеленый тент домиком и подстелили полиэтилен. Отужинав, отпили чаю с поездными печеньками, Чумичка отправилась до реки мыть кан. Уже вторая ручка отъехала. Пришлось просить у Петровича новую. Восходит полная луна, ее уже видно над кронами буков. Сложились под тент.

День первый. 33 несчастья. (29.10.19.) Ночью Шепель нещадно бодал Петровича, о чем мы узнали, сидя над первоклассной овсянкой, поданной Полиной. После обстоятельного обсуждения всех терпких подробностей прошедшей ночи, быстро собрались уходить. Шли сразу в болотниках. Люша научила меня завязывать недавно подаренные Полиной портянки с вышитым «Homo neanderthalensis». Частыми обрывами шли вдоль нашей Куши. Дно и берега реки в месте нашей ночевки образованы потрясающими мергелевыми валунами, обкатанными и в мелких выемках от откалывающихся кусочков, все очень скользкие, размазывающие глину по пальцам и делающие воду голубовато-мутной, цвета эдакого взвешенного гидроксида меди. Пусть с утра холодновато, но постепенно солнышко поднимается над переплетением ветвей и мня заставляют снять три флиски и ветровку.

Река ползет как змея в траве, и мы водим вокруг нее хоровод, пересекая воду в мелких каменистых местах раза три-четыре. Один даже через живописно вывернутые корни древа поистине громадного, поросшие ежевикой, за которую было так приятно держаться. Люша в коротеньких сапожках и то везде прошла благополучно. Окончательно вылезли на левый берег (если смотреть по течению, а шли мы против него) и полезли в гору. Сначала по старой колее, поросшей орляком и ежевикой, через лес, потом по широкому каменистому тракту, вившемуся вокруг отрогов. Тут я начала отставать. Что же нам делать с пьяным матросом? Укрепили меня доброй порцией таблеток, а потом отобрали химзу и болотники, а потом еще и спальник. Возвращать напрочь отказывались.

Дорога пошла вилять, повинуясь сложному узору отрогов и речек. Обочины украшают могуче пихты и исполинские буки, между корнями которых то тут, то там прыгали ручейки с прозрачной водой. Много скальных выходов и следов оползней и обвалов, все в зелени и только пятнами проглядывает желтизна наступающей осени

Обедать остановились в очаровательном местечке на высоте порядка 800 метров, которые почему-то проигнорировали наши детки-предшественники, маршруту которых мы стараемся следовать. На аппендиксе дороги имелся уже покореженный деревянный каркас чего-то масштабного, старый мангал, на котором перед отправлением Петрович углем нарисовал толстенького экзотического тапира-пчелку, столик, засыпанный мусором, что дело поправимое, и еще куча всяких отходов лесопильной цивилизации, прекрасно сошедшие за разнородные сидения и дрова. Со стороны вершины у дороги тек небольшой ручеек, послуживший нам ванной класса «люкс».

Приняв в себя все, что было дозволено, перепрыгнули расширившийся ручеек и полезли по крутизне. Мне поплохело окончательно, и, поплакавшись Полине, я осталась обживать место ночевки в верховьях Куши, в прекрасной расщелинке, по дну которой к далекому подножию стекала река. Её с противоположного склона подпитывал широкий, но совсем мелкий ручеек, сбегающий по дороге когда-то каменистой. Склоны поросли пихтами, падубом, буками и обильной их порослью (как и почти все здесь). Указующим перстом Полины велено было закладывать полиэтилен на маленькой ровной площадке. Второй взмах перста указал на еще меньший уступ пониже, переходящий в почти отвесный обрыв к воде: то было место для костра.

Предварительно проинструктировав, нас с Шепелем и вещами бросили, а сами ушли на скалы Большой Оканту, на высоту 1430 метров. От них я видела только жуткого вида отвесные скалы, венчающие гору на два часа от вектора нашего пути. Про их дальнейшую судьбу ничего не известно. Моя бухнулась спать, а Шепель побрел собирать буковые орешки на будущий торт Петровичу. Ближе к сумеркам кое-как натянули и привязали тент (при этом Шепель отчаянно пытался уложить меня болеть обратно, и божился, что сделает все сам. Но моя природа не дает мне спать!), он же развел костер. Только я отправилась набирать воду, как вернулись наши и закричали что-то про какую-то симулянтку. Было часов пять, меня завернули в спальник, а сами пошли ужинать, а потом и читать дневники Марины Галкиной: сначала «Пешком в долину гейзеров», а потом «Одна на краю света». Именно тогда почерпнули оттуда бесценную фразу, которой на протяжении всего последующего пути бросались при любом удобном и не очень случае: «Я такая наглая!»

День второй. Шёл Шепель по Шесси… (30.11.18.) Улитка позавтракала и сразу поползла на Фудзияму, как полагается всякому, кто почитает древние хайку, нисколечко не торопясь. Шли сначала прямо по тому ручейку, в том месте, где он делал поворот вправо, мы сделали влево, преодолели совсем (но не самый, это важно) крутой участок уже сухой дороги. Отдохнули и подождали вышедших вторым тиражом Люшу и Петровича, сидя на гигантском, как и все здесь,

спиленном стволе бука, любуясь на точно такой же, потрясающего то ли стального, то ли оловянного цвета, особенно сухого и гладкого на ощупь, но в вертикальной проекции.

Склон украшают пихты, часто в обхват, они величественно покачивают лапами, будто разрешают проходить. В окружении всего предоставленного нам величия, величины, многовекового спокойствия и мудрости начинаешь чувствовать себя спешащим за всякой ерундой хоббитом в лесу Фангорна, которому, этому жалкому полурослику, каким-то высшим чудом дали глотнуть воды из Энтовой Купели, чтобы он чуть-чуть подрос, позеленел, хоть на малую толику стал соответствовать месту, в котором очутился.

Полина, немного побродив над навигатором и разведав маршрут наших предшественников, иногда, (например сейчас), казавшийся несколько диковатым, решила, что дешевле будет подниматься отсюда, где сидим. Поднимались, поднимались, поднимались, повернули чуть влево на эдакий пупырь, зашуршали, зашуршали, зашуршали по нему. Петрович взял меня в «паровозик» на лямку рюкзака. Продравшись через густые заросли, которые надо было переступать, перелезать, обнимать, ломать, обходить, обползать и просто ломиться сквозь них, вышли на лысую макушку, покрытую сухой травой.

Интенсивно-голубое небо, прикрытое белой пенкой облаков, высвечивало и уходящие до далекого горизонта дымчатые горы (вдалеке с заснеженными полосами склонов, вблизи покрытые пихтовым ковром); и ниспадающий и струящийся по всем впадинкам, ущельям и овражкам буково-коричневый с темно-зелеными елочными вкраплениями лес; и позолоченную бликами желтизну спускающегося вперед и вправо склона. Так и сев от безграничности мира, снизошедшего до появления пред нашим скромным взором, передохнули и определились с последующим маршрутом.

Чуть спустившись вперед, открыли очередную пейзажную магию и с готовностью пионеров околдовались ею. В обрамлении сосновых иголочек, ближайший склон обрывался слева отвесным коричневато-бежевым обрывом в пучках сухой травы и чем-то мелким, стелющимся и хвойным метрах в трех. Справа – серая в коричневых скелетиках буков и голо-серым зубом вершины гора виделась рядом гребней в паре километров, а между ними, уже не больше и не цветастее, чем горы «Звездной ночи» ван Гога, три пика: чуть ближе тянется длинным лесистым склоном, позади и правее торчат еще две, белыми островатыми макушками протыкая простоквашные облака. Когда шеи свело, мы все же свернули вправо и спустились на тропинку, по ней вышли на колею, тянувшуюся сквозь буки, пихты и падубы по склону.

Она привела нас к небольшому покосившемуся домику слева от дороги, недалеко от которого ночевали наши предшественники и должны были вчера ночевать мы, если бы я не

подкорректировала изрядно планы мироздания. Высота порядка 1600 метров. В нем Люша оставила лишнюю гречку, захваченную Шепелем (она категорически не хотела бросать ее на дереве и надеялась в домике найти сгущенку за добродетельность и тяжкое самопожертвование в виде донесения крупы). Некоторое время после домика шли еще по дороге, любуясь сбегающим пихтовым склоном, покрытым бронзой толстого букового опада.

Свернули с дороги и стали косо взбираться. Меня штормило, я шаталась от камня (склон весь в больших и малых валунах, скатившихся с вершины много лет назад) до ствола, а Петрович меня подбадривал, подпинывал и подгонял. Поднимались долго (особенно некоторые), круто стало только на второй половине. Вышли на исток ручейка, уже почти у самого скального пика, просматривающегося сквозь прямые, похожие на кубки, стволы буков, нашли горизонтальное местечко и пообедали. Поплескались в родничке ниже по течению. Потом взобрались до скал Семашхо, торчащих кривой гребенкой, обходя ее, прошли по особо шуршащему и заснеженному склону, побросались друг в друга снежками. Шли по старой тропинке и вместе с ней полукругом взобрались на очередной массив. Она вела через странные темные кусты, густые заросли ежевики и низкие кривые деревья. Настоящий кусочек Древлепущи. Вышли из него на открытую зеленую полянку, обошли ее и…

…прозрели. Увидели все: скальный в снежных линиях, пунктирах, точках, тире и запятых Фишт, главный Кавказский хребет, море за ним, ближние горы и горочки, ущелья и овраги, укрытые сплошным пестрым коричневым ковром с узором из желтых, оранжевых и пихтово-зеленых пятен. Шесси, высотой 1839 метров – каждый метр прочувствован собственной плотью и кровью – высочайшая точка Туапсинского района, семиглавая гора, известная открывающимся с главной своей головы видом. Ее давно уже лелеяли в своих мечтах, Надеждах, Полинах и Люшах, и в прошлом году им не удалось покорить ее из-за снега, которого намело по пояс. И вот, она

явилась. Побросав рюкзаки мы добрались до самой триангуляции, салютовавшей нам ржавой ножкой.

Нафотографировавшись, навалявшись, насидевшись, наигравшись в снежки, навосхищавшись тем, что высочайшая точка Туапсинкого района покорилась, облазив вышку и недолюбовашись, а также, просмотрев ожидающую нас тропинку, змейкой взбирающуюся на холмы далеко впереди, мы все же стали спускаться по довольно пологому сухо-травянистому склону, ниспадающего на запад и продолжающегося чередой холмиков на юг, к Морю. На первом же стоял памятник доблестным защитникам Кавказа. Пропрыгав по этим пригоркам до того, как они примерно сравнялись с окружавшими их отрогами массива Шесси, спустились в заросшую впадинку. Перепрыгнув через парочку гребней, пройдя по нескольким впадинкам весьма мрачного вида и пропилив по внешнему склону, Полина вконец отчаялась найти обещанную дорогу и повела нас по пути наименьшего сопротивления прямо по склону.

Спускались, спускались, спускались, перепрыгивая и обходя толстенные стволы буков, цепляясь одеждой, рюкзаками и волосами за подлые плети ежевики, на особенно крутых участках хватаясь за протянутые в спасительном жесте веточки падуба, а лучше лавровишни, конечно, кое-где скатываясь с обрывчиков кубарем, спрыгивая с уступов, оскальзываясь на мшистых камнях, тщетно пытаясь соблюдать дистанцию, дрейфуя на листве, обнимаясь со стволами и стволиками, тормозя себя, с разгону налетая на буки.

Уже в ранних сумерках Полина приняла волевое решение и велела раскладываться на небольшом уступчике рядом с только что пробившимся ручейком (в первоначальный план входило по дороге спуститься до прошлогоднего места ночлега). Ужин отпраздновали чечевицей с маслинами, случайно захваченными из поезда. В ручейке на хитроумной конструкции из бревен можно оставить кан на самонабор, что весьма приятно.

Сидим, читаем Галкину, а вокруг кто-то ходит. То тут пошуршит, то там. Опять сзади, пробежит пониже за ручейком, то будто в наши спальники уляжется, и снова прокатится прямо за освещенным костром кругом. Опада много, кто угодно здесь будет слышаться, как слон. Но мы твердо решили, что это страус. Хотя, могут быть и Шаги В Тишине (те, которые родственники

Глазам В Темноте). Пока Большая Птица крадется во мраке, мы слушаем, как доблестная журналистка пересекала Камчатку и шаталась с медведями по кустам. А по прошествии часа-другого, бредя паром гейзеров, ароматом сырой рыбы и дымом Мутновского вулкана, мы уснем, чтобы видеть Колбасные Сны.

День третий. Верхом на Главном Кавказском хребте. (31.10.18.) Дух Авантюризма, заразивший нас через книжку вчера, уберег нас от страуса. Он все еще ходил вокруг да около, а мы с утра без всяких обиняков позавтракали Люшиной гречкой и продолжили свой спуск до нижнего днища нижнего ада, которое, вопреки всем заверениям, кажется достаточно глубоко. Через полчасика яростного сражения с ежевикой, которая в край обнаглела, падубом, неожиданными обрывами, с которых приходилось прыгать прямиком на кусты разного калибра колючести, вывалились на…

Дорогу! В самом деле широкую дорогу, обнимающую склон справа, а слева вместе с нами спускавшуюся меж отрогов к реке Гогопсе (ниже по течению нежданно-негаданно становящуюся Хохопсе). На погохотать шли по прелестным местечкам: каменистая дорога по скалистым склонам с мхом, папоротниками, пихтами, возносящимся к пронзительно-голубому небу. Проходя место прошлогодней ночевки наших героев, мы увидели стоянку каких-то левых туристов. Оттуда мне запомнился только гигантский дымящийся котел на переднем плане, на толстенном шесте висящий над костром инквизиционных размахов. Людей видно не было.

Взобравшись по крутому участку дороги, посидели на перекрестке – каменной полянке, хлопнули по глоточку чайного настоя, культурный слой за слоем наслаивающийся в двух бутылках, помянули крылатых слонов и дальше бодренько поскакали по узенькому карнизу над ревущем Гогопсе (еще Гогопсе).

Крутой скат под нами усеян величественными пихтами, еще лучше смотрящимся на классическом горном пейзаже: пенящийся, трубящий в сотню рогов со свадеб кахетинцев, поток взлетает над валунами клубками шелковых ниток, падает небольшим водопадом в глубокий бассейн, затаившимся в каменной ложбине; скалы, глыбы, галька и щебенка, покрытые иллюзорными

мирами лишайников и мхов; буки, прямые, гладкие, скользковатые, как церковные свечки-вдовушки, заплакавшие все вокруг себя мельчайшими капельками темного золота воска, переговаривающегося шипящим шепотом на ветру. Правят Балом, конечно, пихты. Кожа изысканного оливкового оттенка, пышные подолы-лапы модного изумрудного отлива, несут они их гордо, идеально прямой осанкой вознося макушки до белоснежных накрахмаленных кучевых париков.

У спускающейся по уступу наивной тропинки, заглядевшейся на вечное великолепие, текущее вокруг нее, совсем закружилось головка, свела ее на нет. Тут она и бросила нас, в надежде хоть на несколько минут задержать и подлатать городские души первозданной красотой Большого Мира. И ей это удалось. Полина пошла разведывать пути господни, как всегда, не отмеченные в картах. А Люша с Петровичем тем временем прыгали в свистопляске вокруг каких-то своих необыкновенных папоротников, приосанившихся от такого внимания.

С трудом перевалили Гогопсе и сразу поперли через очередные диковатые заросли куда-то в сторону голубой бездны, разверзшейся над нами. «Вообще, маршрут у нас сегодня очень простой!» – так сказала Полина сегодня утром, прочертив рукой ровненький пунктир, заканчивающийся где-то на вершинах Главного Кавказского хребта.

На деле маршрутная ниточка помялась на нескольких разнородных пупырях: первый, заросший падубом и ежевикой; второй, уже более буково-лавровишневый; третий, особенной шуршащий, почти чисто буковый лишь с редкими зарослями Иглицы! Настоящей Иглицы! С самыми кладодийными кладодиеми на свете! (И после каждого очередного пригорочка кажется, что уже пришли. Но это все видения, плоды воображения…) Четвертый, весь в столах и стволиках уже серьезных зеленых кустов, сквозь которые впереди все же начало тихонечко пробиваться небо. Вот так! Еще отступит мрак лесной! Откроет солнце облик свой! И сквозь плотную коричнево-зеленую стену последнего из них мы вышли на голую вершину, навстречу Морю.

Перед нами, вероятно, раскинулась широкой чашей, проливающейся прямо в Море, долина Лазаревского. Она спускалась многочисленными витиеватыми отрогами, покрытыми густой пестрой пенкой деревьев. Когда мне было лет тринадцать, на таких же осенних каникулах я восторженно лазила вверх по речке, текущей по дну разверзшего перед нами пасть котлована, от санатория, в котором мы отдыхали с родителями. Справа от нас долотом в небо (1671 метр) торчали голые скалы. Над ними кружил кто-то дневной и хищный, уже сраженный разящим без промаха Люшиным фотоаппаратом. Это оказался Сип белоголовый, наверняка приманенный непрерывным воркованием: «Лаапочка… Сиипушшшка… Летуученнннька… Лети сюда поближе!»

С севера, откуда мы поднимались, бесконечной чередой уходили волны сухих холмиков, ограниченных густыми высокими кустами. Справа обрывающихся крутым буковым обрывом. По

самому центру, изредка исчезая в рододендроне и лавровишне, вилась коричневая ниточка тропинки, исчезая за гребнями волн и снова появляясь на белесо-желтых барашках.

Когда мы перестали сидеть, блаженно лыбясь представшей нам панораме и, вереницей почапали на восток: вверх-вниз, вверх-вниз. Высота около 1500 метров. Только силы покинули окончательно и я начала сваливаться в каждый притропиночный куст, мы заобедали в затененном линией кустов кусочке с высокой травой. Вниз по ручейку, сбегающему в долгий овраг с зелеными здесь еще склонами, сходили искупаться. В сумраке кустов явственно ощущается пронизывающий ветер. «Характерный для Кавказа», как охарактеризовала его Полина.

Вошли в буковую рощу, кажущуюся очень темной, мрачной и душной после слепящего пекла открытого всем ветрам гребня. Главное – как в «Хоббите» – это не сходить с тропы! А она отмечена по вей длине на деревьях где-то зарубками, где-то краской. Такие нам давала наставления перед отправлением Полина, ну типичный Гендальф. Только бороды и не хватает, что делает ситуацию еще более комичной. Обойдя очередной скалистый пик, надолго встали на развилке. Одна веточка тропки уходила по круче дальше, спускаясь вдоль основной гряды, вторая сворачивала вниз, сначала спускаясь между отрогами, а после переходя на ответвление хребта.

Побродив туда-суда для верности, выбрали второй путь. Спустившись и перебравшись через родничок, зашуршали по редкому чистому буковому лесу, потихоньку набирая высоту. Чумичка и Петрович снова забродили, собирая буковые орешки. Встали на широком холме, по форме напоминающем перевернутую каплю, с которой все соскальзывает в бездну. Подлеска практически нет, земля укрыта пушистым, мягким, шуршащим, манящим ковром, сверкающим начищенной бронзой в оранжево-золотых отблесках заката. Если пройти немного к боковым отрогам хребта, взору открываются две бескрайние долины. С одной стороны Море еще в закатных отблесках, с другой ущелье Хохопсе, на которое уже накинула свое покрывало глухая ночь.

Костер устроили между парой кустов, с уже имеющимися скамеечками с двух сторон. Шепель несколько раз обстоятельно отправлялся по воду, притаскивая ее откуда-то с Кудыкиной горы, не иначе. Процесс этот еще растянулся из-за того, что Полина, в попытках подвесить большой кан, опрокинула его и через смех быстро-быстро отправила с ним Чумичку, чтоб Егор не расстраивался. Но он все же все просек и назвал Полину растяпой. А раз уж это он все набрал, то Кролик стал стяпой, Стяпкой.

На ужин, несмотря на все препятствия с водой, Чумичка сварила потрясающий рис со свекольной приправой. После такого блаженства можно было и о Чукотских голоданиях послушать. Я со спальником и пенкой устроила стоянку древнего человека, воспринимая похождения Марины лежа и в дымке полудремы, которая оживляет услышанные, делает его реальнее и насыщеннее, вплетает в явь сон, выдумку и книгу. Сквозь переплетение ветвей ободряюще подмигивают звездочки.

День четвертый. Одни по краю Ойкумены. (01.11.18.) Проснулись от топотка Шепеля, готовившего завтрак. Сыр явно был заговорным, обильно политым кроличьей кровью. Поев, долго плутали в лабиринте зарослей рододендрона и лавровишни. Кружили, кружили, казалось, вовсе не сходим с места, и было очень странно, что пейзаж, как в калейдоскопе, упорно менялся, сколько назад его не крути. По самому склону прошлись, полюбовавшись долиной внизу. Перешли на противоположный склон, засыпанный листвой.

В прелестной лощинке, присыпанной точно стружкой бельгийского молочного шоколада с матовой поверхностью (Вчерашние Галкины Чтения не прошли бесследно), Петрович спугнул нам медведя. Полина сразу проворчала, что это было очень глупо с его стороны – увидеть медведя. Люша заметила, что то вполне даже может быть просто большая белка, или вообще белый

медведь, просто шоколадный (вот оно – влияние Марины Галкиной). Поспешно убегая от белки, мы набрели на поваленную пихту, опирающуюся на маленькую родственницу. Люша и Петрович, разумеется, сразу на нее взгромоздились и принялись качаться. Бедной ёлочке только и осталось, что беспомощно взмахивать лапками. Или как наложнице махать опахалами, это уж кто как посмотрит.

По меткам прошли до чудесной полянки на берегу веселого ручейка, со скамеечкой и кострищем. От нее обтекли с двух сторон обширные кусты и очутились перед скалами Хожаш, обрывающимися в сторону далекого Моря 170-ти метровой стеной. Обороняли они гору Грачев Венец. С одной стороны, она мало напоминает мне корону, но некоторая непроизносимая форма слова «Хожаш» с адыгейского переводится как «голова старой собаки». Высота ее 1644 метра, протяженность порядка четырех километров. Поднялись на ближний склон Грачева Венца, полого вьющийся вокруг маленького ручейка.

Люша с Петровичем в припрыжку побежали на Хожаш, а оставшиеся за милую душу скинулись под развесистый бук. Пока наши горные козлики самозабвенно скакали по камешкам, мы успели нелишний раз сходить полюбоваться на Море, всласть наваляться-пошуршаться, обсудить все прелести маршрута, а главный тот, что мы не встретили ни одного человека за все прошедшие четыре дня, поделиться друг с другом, что через витраж буковых ветвей просвечивает голубое с белым небо. Полина успела обсмеять и Чумичку, и Шепеля, и меня раза по три точно: Чумичке задавала разные провокационные вопросы, называя зоотехником и ее, и просто всех подряд; в Шепеле подмечала все новые и новые (понятное дело, в истинном представителе семейства зайцевых их непочатый край) типично кроличьи черты; меня снова обсмеивала из-за того, что я имела глупость проболтаться, что должна отзваниваться маме каждый день…

Но, к нашей чести скажу, что какой-то отпор мы ей все же дали, нелишний раз напомнив ей, что и она, на минуточку, крапчатый морж. «Я не кррапчатый! Не крррапчатый!!!» – в ответ зачирикал голосом Галчонка из Простоквашино Морж. Надо признать, что не он один вел себя несоответствующе своему филогеническому статусу: Ревеннорыл, вяло роющийся в поисках

орешков, периодически недовольно рыкал: «Оррехи плохие!» В общем, если Люша и Петрович зря брали с собой ДжиПиЭс – они без проблем выйдут на наш смех хоть от Адыгейской границы.

Чуть ли не на одной ножке (на двоих) снизошли до столь скромного уровня, на коем сейчас находились мы, наши горные суслики. И тут же взахлеб стали насвистывать нам о том, какие шикарные виды там, куда смертным: ластоногим, зайцеобразным и приматам – не дано. Наслушавшись сказок о скалах золотых над небом голубым, тронулись по очень приятному редкому лесу. Вышли на аккуратную машинную колею и нашли желтый с черным роб знака: «ЧЕРНОГОРЬЕ \ охотничье хозяйство». По границе этого монтенегро прошагали через пару ступенчатых холмов и присоседились к руслу маленького ручейка, от кого-то наполненный коричнево-зелеными характерными осколками.

И тут, кустами да кустами вышли на дорогу, ползущую в желтом солнечном широком поле. Ходу прибавили: дорога подбадривала. По бокам стояли странные металлические строения, состоящие из центральной оси, типа шпалы, и несколько разных по ширине и прочим габаритам горизонтальных остатков заборов, прибитых настолько посередине, насколько середина – понятие относительное. Все давно ржавое. Не иначе, как памятники прошедшей любви или, ничего святого, конечно, это немного похоже на эдакий шарж на полные христианские кресты. Дорога шла неоднородно, вилась около высоты 1484 метров. Словно спас на крови, Собор-скала сияет и переливается на солнце справа.

С час усердно утаптывали ее ногами, пару раз проходили через прелестные буковые перелески. Из последнего по петле наша автоколея, сама как молодой ручеек, влилась в полукружный серпантин. Сели на полноценную (!) обочину передохнуть. Оттуда можно было видеть все семь холмов, частично в буках, частично в сухой траве, пройденные нами, а за ними серым призраком Отца Гамлета вставали Хожаш. Наши ботаники нашли свою щучку, исполняющую все желания, и этим довольны. Кролик так скачет вперед, будто его морковкой туда манят, ей-богу. Спустились в очередной буковый перелесок и увидели там следы. Скромное предположение о том, что это кто-то мелкий и абсолютно безобидный, подтвердил Петрович: «Эта косуля просто хорошо ела. И людей.»

Таким Макаром дошли до туристической минибазы: домик, две бани, сортир, картошка, лучок, соленые огурцы – в общим все, что надо для жизни. Некоторые карты называют это «домиком Балаганы». Быстро покидав вещи, позволив Шепелю с Петровичем только лишь сходить за водой и оставив костер целиком на их совести, ускакали купаться. Уже не ручеек, а полноценная речушка текла по дну глубокого оврага, приятно закрытого сверху буками. Склоны его были отвесными, прыгали мы по натоптанной тропинке, ограниченной толстыми корнями.

Тут же стояла и настоящая кафельная ванна, в которую по трубе стекала тоненькая струйка чистой воды, уже внутри смешивающаяся с толстым слоем жухлых листьев. Рядом с ней лежал наполовину втоптанный в грязьку резиновый коврик. Поток, часто шириной метра в два, был достаточно глубок и полон камней, чтобы каждый смог найти себе идеальный каменный бассейн. Вдоволь наплескавшись, отпустили и мальчишек охладить буйны головы. Подсобрали дров и попытались закрепить кан на очень шаткой треноге, при каждом удобном случае заваливавшейся в любые стороны.

Домик изнутри наполнен особым очарованием. Начнем с того, что пристройка завешана мешочками с картошкой, капустой, луком и пучочками трав. Над дверью висит табличка: «Быть человеком не является обязанностью» и мусорящая фигурка со свиной башкой. Внутри кухня. На столе стоит непочатая банка маринованных огурцов. На подоконнике несколько стопок с фильмами. Их того, что я успела увидеть и записать: «Криминальное чтиво», «Лара Крофт», «Брат», «Бриллиантовая рука» и еще что-то.

Полина одолжила лук у наших хозяев и заправила им пюрешку. Обедали за столом, под солнышком – все как у людей. Закусили такое великолепие шоколадкой, глотнули чаю и почапали все по той же дороге на восток. Но на первом же холме, увенчанном мемориалом, остановились. Над нами протянулась череда кучевых облаков, стягивающихся все в нашу сторону, подсвеченных с одного края. исчезающих за переломанной линией горизонта. На первый план выступали буково-хвойные холмы, за ними высились уже серьезные горы с сверкающем в лучах собственной славы и недоступности Фиштом во главе. Под холмом прямо на дороге, как в старых русских сказках, глухой непроходимо-ровной стеной стоял темный и мрачный лес, уже заранее напрягшийся перед нами, при всей своей стенности вставший в характерную бычью позу.

Лес, однако, как это часто бывает, при дальнейшем знакомстве с ним оказался очень даже милым. Дорога была надежной, между ее камней, вот точно кости древних ящеров, были втоптаны старые ветки. Некоторое время совпадала с руслом реки, но потом повернула. Тут вообще каждый кусочек хоть сколько-нибудь изолированного леса не похож один на другой. С людьми сравнивать как-то не хочется, все же в каждом есть хоть самая крошечная деталь, отличающая его от всех прочих. Пусть лучше будут детьми. В том бессознательном возрасте между четырьмя и шестью годами, когда и правда все и на одно лицо, и поведение одинаковое, но, если с ними поиграть, окажется, что схожи они не более, чем тыква и арбуз. Быть может, это особая буковая магия? Или все же пихтовые волшебство?

Данный крупный представитель фаунистой флоры отличался обилием пихт, трутовиков, мхов и поврежденных: упавших, косых, наклоненных, поваленных, расщепленных, горелых деревьев, что создавало общую густоту и глухоту без обильного подлеска. Особенно трутовики были хороши – торчали как зонтики или носы кораблей из Ростральных колонн. От одного перекрестка, целиком занятого гигантской лужей, а точно по центру из нее торчал зуб – кривой обломок гигантского некогда дерева, дороги разошлись настоящим веером, перед которым мы надолго зависли.

Идем мы к перевалу Грачевского (он, как и одноименный Венец, назван в честь подполковника русской армии, стоявшего здесь в 1864 и 1865 во время Кавказской войны), абсолютная высота которого 1286 метров. И мы начали свой долгий спуск в традиции лучших народных сказок – небольшим разногласием по поводу правильности выбираемого пути на тройной развилке. Первая дорога шла вперед, на вершину Хакуч. Обе других вели примерно в одном направлении – влево, на север. Поскольку нам никто не предлагал ни жениться, ни убиться, ни коня потерять, мы просто пошли по той, что помокрее.

Дорога загибалась вслед за склоном. По правую руку спускались бесконечные отроги гор: пестрые, деревья больше метра в обхвате, в густом подлеске, окрашивающим почву желтым с рыжинкой. Сквозь кроны видны были дальние скалы. Несколько раз дорогу пересекали прыткие ручейки, развозившие вокруг себя вязкую гажу. Много раз дорогу перегораживали упавшие стволы, заставляющие пролезать под собой. По обочинам имеются колоссальные пни, иногда метра по два толщиной, с бассейнами дождевой воды внутри. Слева часто встает каменная стена, из мелких выемок известняка следят за нами всеми своими глазами сенокосцы. Люша пинается, чтоб я не делала записей на ходу. Так можно все их издевательства забыть, а это не есть хорошо.

Так спускались долго, тракт был широким, но и он в конце концов раздвоился на две колеи. Мы пошли по той, которая стекала по глубокому руслу мощного некогда потока, переходящему в овраг. Постепенно осталась только тонкая тропинка в глубоком мергелевом ущелье, текущая по гребню, с одной стороны обрывающегося на метр, промытого до чистого коренника. Это уже не овраг даже, а целый Гранд каньон. С двух сторон от нас в щелях текут ручейки. Пару раз пересекали безымянные речушки, перебираясь по камням. После очередной переправы оказалось, что мы спустились на самое днище.

Там передохнули во влажной низинке, подковообразно окруженной густолесистыми склонами. одной стороны шумел поток, вдоль него уходила наша тропка, окруженная густыми зарослями, как и все деревья целиком в переплетении каких-то плющей. Мы устроились под буком, ощетинившемся такими лохматыми, плюшевыми плющевыми корнями настолько плотно, что походил на злобную гусеницу, вставшею на дыбы. Полина вся покрыта «семенами зла» – череды, и активно распространяет их на всех подряд (сильнее всего на Люшу и Петровича, к чему бы это?). Передохнув и отряхнувшись от мелкого зла, то бишь немного очистившись душевно в таком прекрасном месте, пошли по дорожке. На берегах широкого уже потока встречаются первые верные цивилизации: лавочки, столики, мусор. Дошли до участка, замощенного толстыми гигантскими бетонными смещенными плитами, встающими на дыбы. Кладка очень напоминала шоколадку. Время определенно к ужину. Тут же частоколом пошли желтые знаки «ГАЗ», отправились по газопроводу.

Встала новая преграда – река. Ее было не перейти по камням, пришлось достать на свет божий болотники. Я отжала свои у Петровича и радостно засунула, наконец, к себе. Сразу за рекой вышли на человеческую широкую (точно двухполосную) грунтовку. Выстроились и пошли широким фронтом, занимая сразу всю дорогу. Дороге это не понравилось, и она расформировывала нас постоянными лужами, разливающимися от края до края. Слева от нас в овраге течет все та же река, а слева периодически появлялась канава. За все время впереди с завидной периодичностью в дымке вырастали вытянутые ровные, как нарисованные, холмы, еще в красных и желтых буках, изумрудных пихтах, с верхушек подсвеченные уже заходящим солнцем, они выглядели тысячью маленьких огоньков свеч или даже хвостами китайских лисиц.

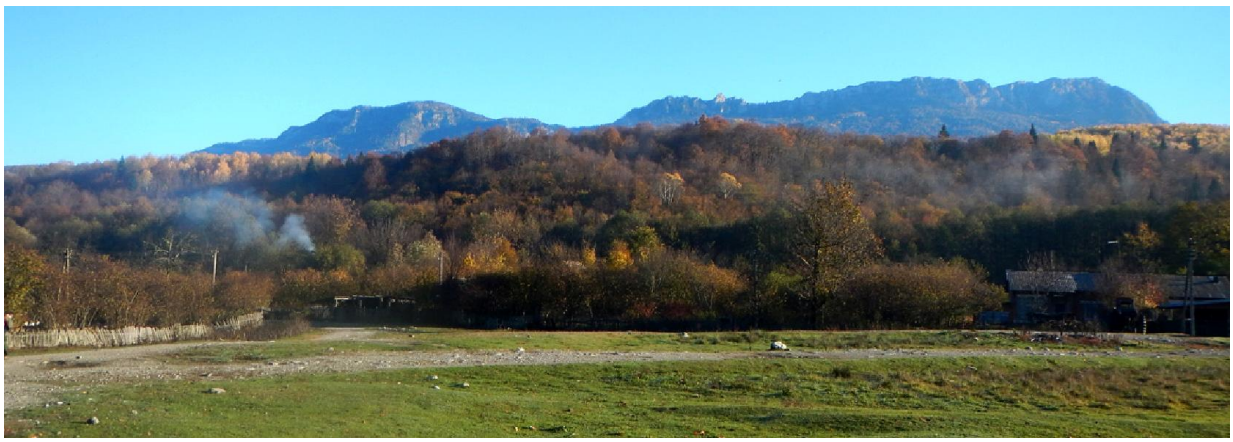
По мосту из толстых погибших буков, перешли нашу же лазурную реку, повернули вместе с ней. Теперь золотой от обилия буков склон к реке струился по правую руку в балку, а слева возносился темный склон со скальными выходами и следами давних камнепадов, увитых, как и все вокруг, плющом. «Здесь определенно должны обитать тролли, по типу норвежских» – только я решила это как следует обдумать, как Люша начла активно обсуждать идею троллея, предложенную еще на Шесси по маршруту Семиглавая – Главный Кавказский хребет.

Минут через двадцать из-за поворота вышли и угрожающе нависли над горизонтом скалы плато Черногор, ощетинившиеся, как челюсть. Местные из поселка Отдаленный называют плато «Спящим Черкесом». Как я не всматривалась, мне не удалось увидеть ни орлиный нос, ни папаху, ни острый подбородок. Мы сейчас идем почти точно на север, Черногор обрывается на юг от 20-ти до 150-ти метровыми кручами. Они подсвечивались солнцем, по краю отливали розовым, как

зубы дикого зверя со старой картины, на которой кровь обесцветилась до пластмассового светло-розового.

Шли до ранних сумерек и только тогда наткнулись на маленький ручеек. Разведали уступ на верхнем склоне и закинулись туда. Первым делом кинулись собирать дрова. Тут наблюдалось какое-то бешеное количество большого и малого гниляка разной трухлявости, и нам не составило особого труда его приволочь. И вообще тут было несколько гнилостно, душновато и замкнуто. Все стволы покрывали обильные мхи и лишайники, очень скользкие. Костерок разгорался под небольшим кустом, а Люша и Петрович уже натянули тент. Дела у всех резко кончились, и мы скучковались вокруг готовившегося еще ужина, стараясь как можно плотнее к нему придвинуться. И опять мы отправились теперь на Чукотку, на реку Пегтымель. Сплавляться на одиноком каяке, пытаться не замочить крошечную палатку под еще меньшим тентом, ловить рыбу и есть ее прямо сырой, радоваться каждому кусочку шоколадки. Страус, оказывается, шел за нами. Опять скачет кругом. Петрович уходил за дорогу, за звездами. Собрал прекрасный Щит, правда, задействуя кусок Лебедя, но зато с гербом, все как полагается. А от Лебедя не убудет. Возможно, это он сейчас до помрачения ума пронзительно кричит-кричит ночной птицей из северного оврага.

День пятый. РазоЧешевание. (02.11.18.). Полина так обрадовалась моему «воскрешению», что с утра я, укушенная будильником, вынуждена была вскочить готовить гречку со сгущенкой. Обошлось почти без инцидентов, по крайней мере до Оренбургского погрома я явно не дотянула. Страус только пару раз скатывался со склона, кубарем, судя по всему.



Выкатившись на дорогу, мы бодро поскакали вниз, до поселка Отдаленный. С утра зябко, воздух свеж и мокроват на ощупь, руки сквозь тонкую ткань рубашки нещадно подрагивают, но кожей слишком приятно чувствовать одновременно холод утра и контрастно-теплые прикосновения лучиков, прошедших между горами на той стороне балки, дымку и буки. Светло-желтый склон по правую руку светился, только черные тушевые, прочерченные прямыми тонкими мазками стволы оставались картинно четкими на первом плане, а за ним вставало солнце. Цвет осенних буков более всего похож на клены в это время года, те, что растут около перехода между корпусами у нас в школе: с одной стороны через широкие окна лучатся они, а с другой березки, так же прозрачны, но и насыщенны редким светлым оттенком, как будто светлый мед на просвет. На поворотах иногда видно всю балку до самой Пшехи, наполненную текущим вместе с нами на север туманом, размазывающим солнечный свет на все ущелье. Розоватое Солнце медленно поднимается над дальним склоном, с трудом отдирая от себя налипшую дымку. На развилку вниз и влево отходит дорога, целиком засыпанная желтыми и оранжевыми всполохами, как осколки витража.

В непосредственной близости от Отдаленного присели на обочину прямо около маленькой заросли кустиков физалиса, горящего красно-оранжевыми китайскими фонариками. Там же первый раз увидели «правила поведения в лесу» заказника Черногорье. По просыпающемуся поселку прошли под собачьи аплодисменты. По мшистой и заросшей узкоколейке добрались до длинного букового моста через очень широкую, но неглубокую Пшеху, покрытого скользким изморози, переносящей его отсюда куда-то в Тиабитию или по крайней мере в Нарнию. На галечном ложе, выточенном как будто в полосу беговых дорожек, множество матово-лазурных струй, переплетаясь в причудливые кельтские узоры или девичьи косы, убегали дальше, в другие горы и под чужое небо.

За рекой дорога повернула на северо-восток и стала медленно и неторопливо ползти на плато Черногор. Перспектива туманна. Пока шли вдоль реки Бодец, прыгающей по камням чистым стеклянным ручейком, справа проплывали обрывки тумана, впереди на Солнце опять набросило вуаль водяной дымки, и оно снова разлилось на весь горизонт. С двух сторон вперемешку росли желтые-прежелтые буки, клены, кое-где подглядывали зеленым строгие пихты. В прозрачно-слезном воздухе местность выглядела как нечто среднее между Японией и Скандинавией. (Один кучерявый клен на обочине смотрелся типичной цветущей сакурой.) Несколько раз пересекали ручьи, водопадиками спускающиеся с далеких вершин. Тракт этот вел к поселку Водопадный и его в некотором будущем даже собирались асфальтировать, а нас и так все более чем устраивало. Дорога подбадривала, пусть и неуклонно взбиралась все выше и выше к Солнцу.

Когда солнышко проглянуло по правую руку, оно тонкими видимыми лучиками осветило волны конденсата (уроки физики у Юлича определенно способны выгнать всю поэтичность из остатков мозгов), на легком восточном ветерке поднимающегося от двух табличек Черногорья, стоящих слева от дороги. В утренней магии солнца и тумана оказалась еще росистая паутинка, черно-зеленый полосатый хвощ, росший небольшой зарослью подле дороги с бриллиантами и лоскутками тумана в веточках, светлые валуны во мху болотного цвета, поблескивающие и переливающиеся. Тракт шел прямиком сквозь сказку: зачарованный осенний лес, Лотлориэн, край сновидений.

Люша и Петрович непрерывно делятся потоком разнородных уловок фотографии, тренируя приобретенные умения на окружающем великолепии. Нам необходимо было свернуть влево. Для раздумий над столь непростой задачей, Никита был послан Полиной вперед, а сама она прошла за оградительную кучу камней и земли. Спустя минут десять туда мы и отправились. Грязь месили не мы первые, до нас тут определенно выводили на выпас целое стадо коров. Своим маленьким и уютным табуном мы шли след в след за ними, собственные ласты, копыта, лапы ставя в здоровенные, с чайное блюдце, отпечатки.

Тут было позеленее, а дорога погаже. Кое-где от нее оставалась только узенькая полоска грязи, которую, надо полагать, надо было интерпретировать как тропинку. Перебрались через несколько знатных луж и путано ползли в гору. Когда-то пригодная и для машин, колея шла сложно, обходя ей одной ведомые препятствия и кружа вокруг некоторых холмиков-отрогов. На редких развилках мы бухались на рюкзаки, имея возможность замереть на минуточку, почувствовать себя частью леса: слиться с дрожащим воздухом, с подсвеченной листвой, с тишиной старого толстого опада.

Немного поплутали: тут, оказывается, шло две дороги, но обе были не похожи на карточный оригинал. Прошли мимо поваленного дерева, сильно похожего на лобоподу с длинными выставленными вперед усами, покидались друг в друга шишками и уже успели начать подъедать буковые орехи, как остановились на обед. Стоянку устроили почти сразу после очень крутого участка, с которого частыми водопадиками спускался ручеек. Кан установили на хитро разветвленном дереве и скатились купаться.

Через стволы и глыбы, оплетенные плющом и зализанные скользким мхом, прокрались под скалами плато «Спящий черкес». То растягивались, то застревали все на одном месте – Полина портаривала маршрут по старой-престарой осыпи. Быстро поднялись до неширокого входа в балку, бесконечно тянувшуюся за обрывом. Там быстро решили, что до карстового озера Чеше пойдем налегке, сложили рюкзаки под пихточку и полезли на правый южный, что ближе к скалам, – склон ущелья. Побеги ежевики, словно щупальце чужого, обманчиво ласково гладят по голове, неровные кучи опада выскальзывали из-под ног и тотчас мягко принимали руки и лицо. Буки были могучи, часто у основания изогнуты валуном, впечатавшимся в него так давно, что дерево уже начало их обрастать потихоньку. Пихты взмывали ввысь, мы одну померяли с Люшей и Чумичкой – три обхвата! Но они ниже, верхняя часть склона, прикрытая от неба непреступной стеной замшелых скал, была практически голой. Попав на первую прогалинку, мы осмотрелись.

Наверное, с высоты птичьего полета наша показавшаяся темноватой и мрачной балка выглядела еще более впечатляюще, но нам и наших скромных 1400-от метров хватило. Мы стояли на стенке гигантской чаши. Противоположный склон был не меньше, чем в километре, переливающийся и пестрящий всеми оттенками болотно-зеленого и темно-желтого, медленно загибающийся в обе стороны. Взобрались еще повыше и по воображаемой тропинке медленно поползли вдоль скал, ища прохода через бесконечный их лабиринт на обещанное плато. До озера всего километра три.

Скалам конца видно не было. Петрович несколько раз был послан к ним с мольбами, но возвращался ни с чем. И при первом же промежутке в неровном строю Полина поскакала на него во весь опор, а мы, что еще оставалось, аккуратно поползли следом. В конце двигаться пришлось вдоль скалы – слишком круто было, а перевалившись через зуб, торчащий на гребне, очутились в Затерянном мире. Нет, мы не провалились в кратер вулкана и не увидели тираннозавра, не споткнулись о скелет, обнимающий ящик с золотом, и так и не поздоровались ни с капитаном Немо, ни с Жюль Верном, ни с Конан Дойлем, но воочию увидели «затерянное в джунглях амазонки скалистое плато», в котором без всякого сомнения, просто поглубже, должны обитать древние ящеры.

Перед нами разверзся карстовый провал, весь в выходах породы, мху, уснее, плюще, страусниках и пихтах. Кадр, достойный всех пейзажей первобытной Новой Зеландии, облюбованной режиссёрами. Охая и ахая мы спустились, прошли по дну, аккуратно переступая с камня на камень, поднялись и… очутились в еще одном, другом, но похожем провале, и еще, и еще… долго мы плутали по каменным коридорам, неотступно следуя за светящейся в полумраке пихт нитью Ариадны, сокрытой в маленькой невзрачной коробочке в руках Полины. Обе они – и божий дар, и импровизированный Тесей – утверждали, что идти нам порядка двух-трех километров. Не теряя надежды выйти на обещанное нам плато, перебирались уступами в скалах, узкими перешейками с мрачными зарослями тиса и падуба, валунами и редкими зарослями лавровишни мы достаточно резво, но по прошествии минут сорока мысль о подвохе начала становиться навязчивой.

Вдруг, из центра земли мы воскресли на поляну. С одной стороны, резко облегченный путь радовал, но с другой, видок был зловещий: к центру волнами сбегала сухая трава, легшая вся в одном направлении – вниз, а прямо посередине, подобно тартару в царстве Аида, зловеще мрачнел провал. Глубиной он метра три и диаметром под пять, вылупившаяся и медленно подрастающая дырочка в первобытные эпохи. Эпохи голые, каменные, лишь слегка прикрывшиеся пихтами, тисами и лишайниками. На той стороне поляна-чаша обрывалась до самой гряды пиков, венчаемой Фиштом. Справа Лежал «Черкес».

Бегом-бегом, мы поскакали к новым кустам, ведущим налево вдоль обрыва. В них Полина провела социологический опрос по поводу того, кто желает добираться до самого озера, ибо из трех километров нам осталось около полутора, лежащих все по тем же провалам. Активнее всего инициативу проявляли младшие участники пешей прогулки, ведь интересно же! Теперь все

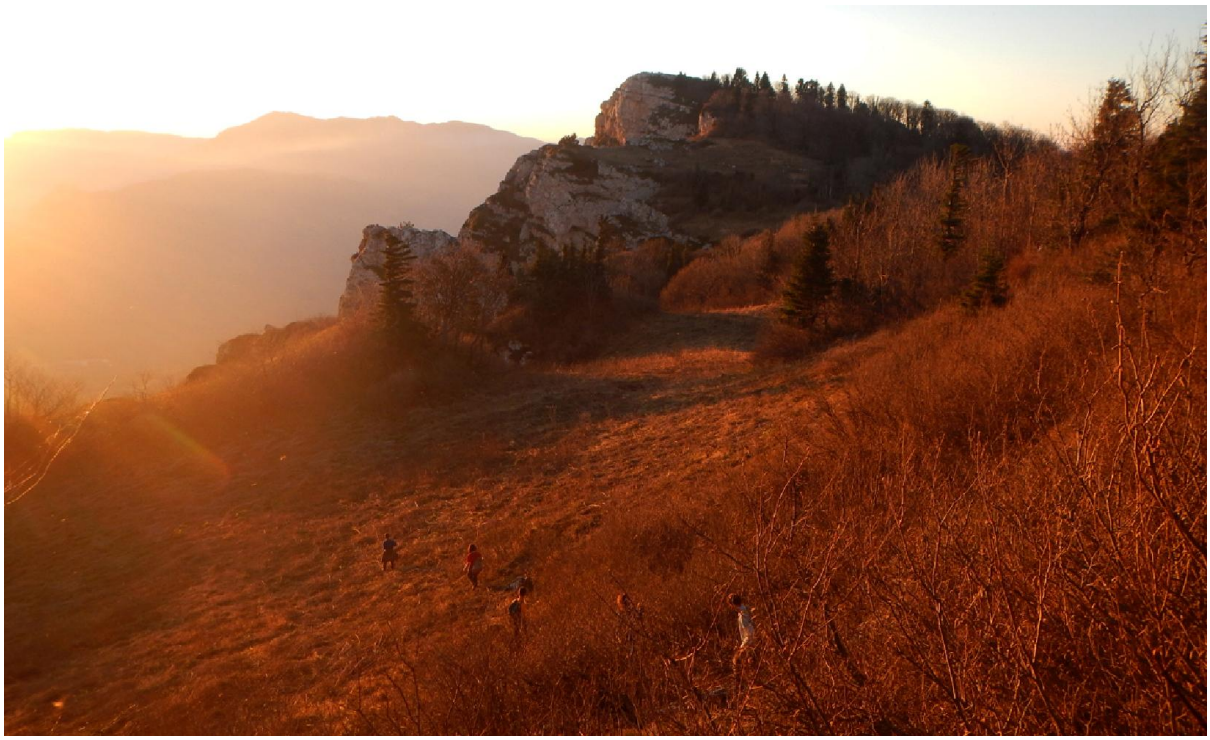
больше старались выбирать пути поверху, по узким перешейкам между провалами. С такой точки зрения это напоминает лабиринт, где в центре – в аккуратно-овальном озере – нас, как самых непорочных дев, поджидает минотавр. Последние минут пятнадцать пробирались через, вдоль и между обильных и объемных стволов и стволиков.

На донышке аккуратного и голого конуса провала, маленькой идеально овальной стальной с синим отливом лужицей предстал перед нами предмет наших надежд, мечтаний и ожиданий. Озеро Чеше. По той его стороне еле заметной ниточкой огибала водную поверхность тропинка, ведущая от края того же обрыва, скрытого за пригорком. Наши все в диком (в меру оставшихся сил) восторге, разве что Шепель проявляет его умеренно. Как по мне, так и не впечатляюще. Ну, невыразительное оно, что ли? Невзрачное. Пока я судорожно ловила связь, чтоб папу с днем рождения поздравить, наши обошли озеро, Петрович окунулся в него по-быстрому, объявил, что с этим озером он в разведку бы пошел, и мы бегом покатились обратно, ибо ночь близко.

Солнце медленно перекатывалось через линию горизонта. Второй раз плутать не стали: Полина провела нас над обрывом тех скал, от которых все на ладони до самого Фишта, и с них мы зарылись в низкие коридоры тиса и пихты. Проползши под ними, почти сразу вывалились на длинный склон за гребенкой, которую мы едва перевалили по пути суда. Небо из голубого перетекло в оранжево-красное, в красно-розово-желтое, а потом со спины начало наползать темно-синим. Долго потом крались по круче, цеплялись за любые веточки и траву. Паника нарастала – сгущались сумерки. Уже подсвечивая себе фонариками, совершенно неожиданно вышли к елочке, под которой, только ленточкой не перевязанные, поджидали нас рюкзаки. С Полиной разведали место для стоянки, найдя достаточно полноводный ручеек. Мы под вершиной 1533 метра. Перенесли вещи по остатку некой дороги, совсем уж странно петляющей здесь, по дну туристами забытой балки.

Чумичка разводила костер и возилась с едой, мы с Шепелем собирали и наламывали дрова, Люша и Петрович сооружали пристанище, Полина наставляла всех на путь истинный и везде подсобляла – привычная и уютная вечерняя деятельность. Кан подвешивали на сложнейшей конструкции, прикручивая жердь растяжками и веревочками к двум деревьям. На ужин открыли Полинину тушенку из оленины, оказавшуюся весьма приличной – как говядина, но понежнее. Люша взялась за книжку, Чумичка за канчик с чаем, чай ректально пролился на Люшу. Наверное, это помогло ей

прочувствовать мокрые будни Марины Галкиной, и читала она еще выразительнее, чем обычно, помыкивая все упоминания о дожде.



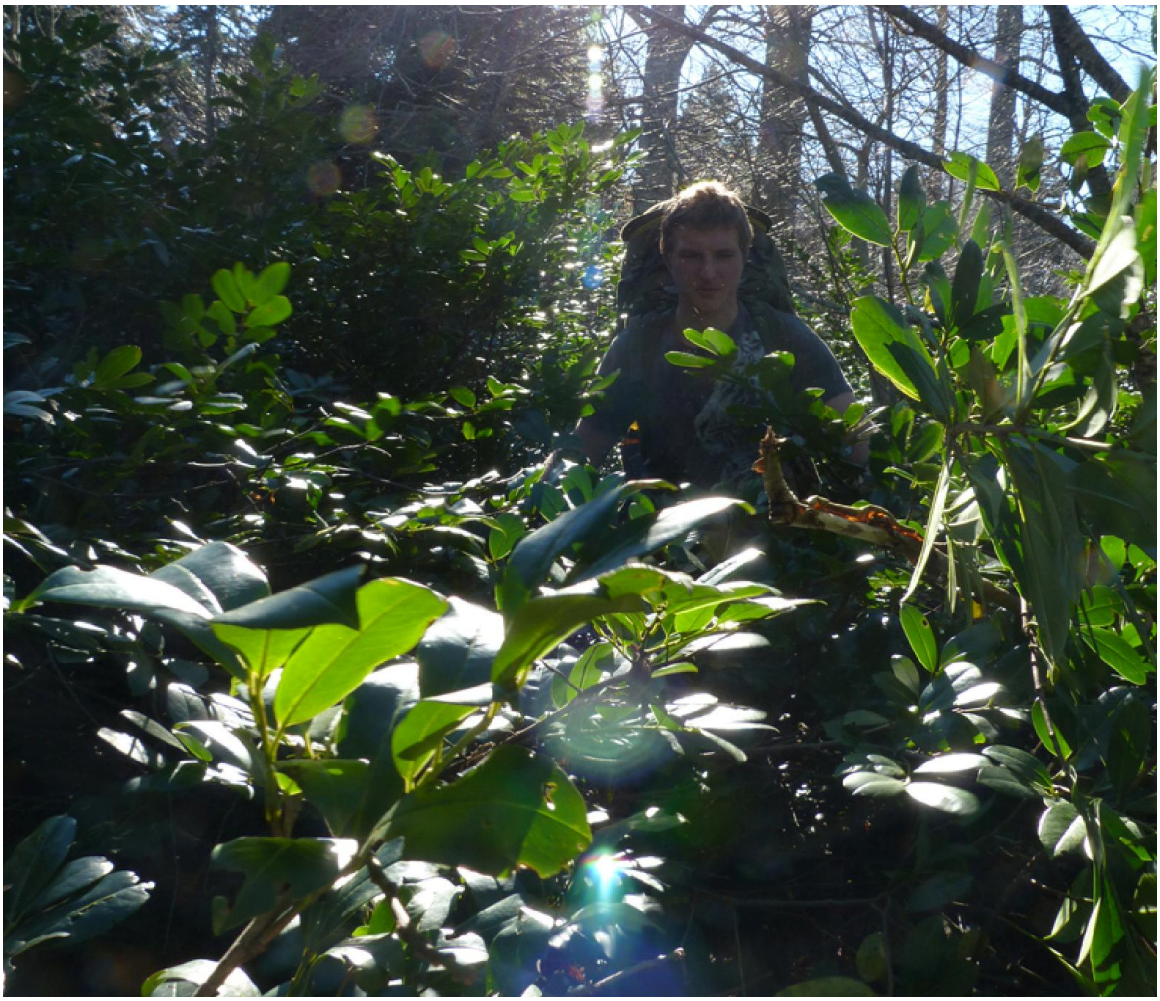
Костер сверху укрыт невысокими развесистыми пихтячьими лапами. Глуховатая тишина балки прерывается лаем косуль, то тут, то там извещающих о нашей неуместности. Петрович ушел куда-то вниз по склону, звезды ловить. Мы, окруженные кромешной тьмой и повякиванием разнообразной живности, надеющейся укрыться тут от глаз человечьих, наслаждались книгой и состоянием умиротворения и оторванности от обычного мира, пребыванием в дикой глуши первобытных времен.

И покой, и Галкина были потревожены грохотом, пришедшим откуда-то с востока – из глубины балки. Звук был, как от фейерверка за окном. Сидели мы, как мыши под метлой. Мне даже пришлось из спальника выбраться. Салют закончился, спустя полминуты где-то, после последовавшего за тишиной неуверенного переглядывания, Люша прервала немую сцену: «Обвал…» Благо, округ нас камней не видно, но падали они как будто точно в балку. Сразу забеспокоились: не в ту ли сторону пошел Петрович? Не он ли устроил представление? Но поделать мы ничего не могли, оставалось ждать. Он пришел минут через двадцать, с ходу объявив, что, по его мнению, сошло где-то очень далеко (земля-то не дрожала), в районе Лагонаки, зато воооо как масштабно сошло! Сказал еще, что дошел до самого перевала, и на месте нашего обеда встали какие-то туристы.

Только мы сели слушать дальше, как на Люшу, пробежав почти по всем и удрав вверх по стволу бука, под которым я валялась, спрыгнула ошалелая соня, типа полчка. Петрович уже цапнул ее за хвост, но она удрала. Несмотря ни на что, мы дослушали сегодняшнею порцию сказок на ночь и легли. Было холодно, Люша, как назло, откатилась к самому своему краю, а Полина, Чумичка, Шепель и Петрович сгрудились в одну кучу, а я одна мерзла, неспособная никуда приткнуться. Пришлось лечь диагонально, грея ноги о Петровича, а голову о Люшу. С теплоотдачей у них плоховато. Косули вокруг заливаются – тоже, наверное, мерзнут.

День шестой. Трое суток по шеломайнику. (03.11.18). Выходили быстро, сразу заковыляли на левый (со стороны перевала, от которого шли) склон чаши, на самый край западного косогора плато. С неприметной тропинки видно было долину Пшехи, ленточки утреннего тумана над какими-то Тубами, толщу влажного воздуха, пронизанного оранжево-желтыми лучами. Как взобрались, так сразу и зарылись в «Затерянный мир, стремный стрем», по словам ведущей процессию Полины. Нынче места пошли совсем дикие: поросшие пихтами провалы широкие и просторные, в которые приходилось спускаться, перемежались широкими перешейками, густо поросшими лавровишней, где в засаде сидели провалы маленькие и растущие. Будь то камни, ровной поверхностью лабиринта торчащие из ямы в метр-полтора, или узкие дыры, в пару метров, но глубиной сильно больше, чем можно увидеть, не подходя к самому краю.

По превратностям рельефа сосредоточенно лезли часа полтора, – петляя, возвращаясь, ругаясь и полностью теряя направление. По прямой нам тут был какой-то жалкий километр. После очередного провала (не нашего, благо) перед нами встала стена из толстых и тонких густо переплетенных зарослей высокой (метра два с половиной) лавровишни. «Итак, перед нами густая стена стволов и веток. Прохода нет, кажется неискушенному путнику.», цитирует кто-то недавний фрагмент из Марининых путешествий по Камчатке, еще недавно (для нас с Шепелем, во всяком случае, не бывавших на Курилах и Чукотке) казавшейся таким сладко-недостижимо-неизведанным. Войдя в общую роль Марины Галкиной, пребывающую в стланиковом плену (ибо поодиночке совершать ее подвиги тяжеловато), врубились. Тем более, карта пророчила несчастных три километра.



Как путники искушенные, мы немедленно вообразили себя стаей обезьян-ревунов (хотя что-то слышала я сзади о прайде грациозных древесных пантер, но это слишком) и буквально шли по

ветвям, иногда оказываясь довольно высоко. «Настоящие травяные джунгли — вот здорово!» Это я понимаю – Приключение! Наверное, создатели всяких парков для детей, в которых надо лазить по всяким хитроумным лестницам между деревьями, никогда не задумывались о подобном природном лабиринте, способном умотать любую ораву мелких неугомонных созданий.

Интереснее всего приходилось на обрывах, где из одних кустов приходилось прыгать прямо на другие, свешиваясь на гибких ветвях. Рядом иногда разверзались глубокие провалы, заросли стекали прямо в них. Неприятно было, оступившись мимо очередного ствола, упасть под все эти заросли, зато обходить разные глыбы и ямы – запросто! Иногда, если особо упорно лезть все выше и выше, начинает казаться, что можешь взлететь. Пока что, но все равно редко, проходили чистыми неглубокими провалами. В центре одного из таких узкая дырка метров на пятнадцать переходила, возможно, в пещеру, в ней корнями кверху торчало несколько букв, и все – стены, стволы, камни и уступы – покрывал роскошный изумрудно- зеленый мох и страусники торчали местами. В общем, иллюстрация, которую, без сомнения, оценил бы сам Жюль Верн.

Тут мы наткнулись на осиное гнездо. Сначала его услышала Чумичка, следующая за Полиной, потом я, попыталась прибавить темп – получилось хуже, врубилась куда-то, Шеперь со сноровкой кролика рванул за мной, а вот Люше с Петровичем не повезло – накинулись на разозленных обитателей. Они обидели только Люшу, засыпавшись ей за воротник. Мы как раз выбрались на небольшое чистое пространство под сенью буков.

Послушав причитания сначала Люши, потом Полины, безысходный оптимизм Шепеля и вечно довольного Петровича, врубились дальше. Здесь стало интереснее – больше неожиданных провалов под ногами, обрывов, лавровишня чередовалась с рододендроном, по которому идти отчего-то много проще, плюс падубом, кое-где, будто Атланты из толпы туристов перед Эрмитажем, возвышались буки и пихты. В таких миниатюрных рощицах становилось легче – можно было идти по упавшим стволам или пилотворным пенькам (зимой они, что ли, вездеходы гоняли, чтоб точечно деревья рубить?!).

Прошло еще, быть может, часа полтора. В ветках зарослей под обрывом мне мерещится твердая, утоптанная дорога. Полина, не признающая сказочных стандартов, вывалила на нас три новости: хорошую-плохую-хорошую. «Во-первых, до дороги осталось только 800 метров. Во-вторых, думаю, что еще часа два мы на них потратим. В-третьих, обедать будем сейчас в сухомятку – уже давно не час дня.» Обрадованные, огорченные и снова обрадованные мы в рекордные сроки вышли к пятачку земли без поросли, там и бухнулись, сразу. Бутерброды, шоколадка, колбаса и сухари разлетелись, мы не то, чтоб наелись, но во всяком случае голод утолили, отправились на штурм самых последних 800 метров.

Бой был неравным, но мы доблестно выдержали несколько тупиковых путей, выбранных нами, и добрались до полноценного леса, кусты в котором мало помалу истаяли. Теперь исцарапанные, с порванными штанами (даже Полиниными из мифриловой ткани), но счастливые идем по контрастной широкой настоящей дороге, и только кусты падуба по обочинам изредка вызывают нервную дрожь и заставляют отодвинуться от них на соседнюю колею. Вокруг светло, все больше светло-желтых тоненьких березок и осин, трава зеленая, а после бесконечных зарослей идется легко и спокойно. Сейчас около двух часов, полдня мы, конечно, поплутали.

После полиэтиленовой придорожной стоянки некого скитальца, дорога вскоре вывела нас из леса и теперь бежала по его опушке, часто пересекалась шальными ручейками, утопала в грязи и покрыта тысячами коровьих следов, явно свидетельствующих о нашем приближении к цивилизации и прочей разумной жизни. Обогнув несколько высоких живописно-осенних холмов, присели отдохнуть и полюбоваться на вид по левую руку: далеко-далеко уходящую равнину немного внизу, на горизонте изтаивавшую в вереницу дымных фиолетовых холмов. Влились в

большой тракт, оказавшийся нашей старой знакомой – дорогой к Водопадному, уже уверенно бороздивший горки.

Шли под горку. Под ногами в длинных лужах плавал кто-то подозрительный. Лес сам прибавлял света, множа лучики склоняющегося к горизонту солнца через каждый желтый или светло-зеленый листик. Когда созерцаемый пейзаж из моей головы стал все больше выпихиваться рецептами и запахами разнообразной выпечки, в небольшой впадинке Полина предложила-таки съесть сухой роллтон.

Уже в полной темноте мы свернули направо, в глубоокий (как оказалось) буковый яр, в странных местах расчерченный следами вгрызающихся в грязь протекторов. Спускались долго, подсвечивали себе фонариками и пытались найти воду, которая по карте должна быть уже 100 метров как. Вода нашлась на самом дне, где, протаранив дальний – правый – обрывистый берег, тек милый быстрый ручеек, перегороженный многими плоскими каменными плитами, а оттого поющий и звенящий многими тоненькими порожками. Быстро исполнив вечерние ритуалы, ознаменовавшиеся жертвенным костром, по совету Полины отправились мыть ноги.

Я устроилась, как в лучшей Сандуновской бане: одна плита, пропускающая поток под собой, служила мне мостком, позволяющим свесить ноги ровнехонько в чашу. На двух других – как на этажных полочках – и бревне сверху разложилось все, что надо. Мироздание, определенно, воздавало нам. Ужинали тоже долго, смакуя: Петрович свалил пару деревьев, ложа были что надо. Тент выше по склону, и вокруг все время кто-то шуршит. Кто-то мельче страуса, но больше собаки. Старательно шуршит так, зарраза. Полина, возвращаясь с чистой миской, безапелляционно определила: «Шакалы бегают, глазки блестят такие подлючие».

День №7+1. «Я буду есть!!!» или Суета вокруг хурмы. (04.11.18). Первое, что я лицезрела проснувшись (помимо Люши, обсуждающей с Петровичем Тапира в ее спальнике) – Корову, тихо мирно, но кидая в нашу сторону сердитые взгляды, пасущуюся метрах в двадцати. Она явно нами недовольна. Вот вам и страус.

После завтрака Петрович дорвал штаны, и, чтоб в поезд впустили, соорудил из джинсовой рубашки поверх остатков узенькую юбочку (набедренную повязку), в которой, не зашив старые и не купив новые штаны, досеменил до самой Москвы. И долго позировал Люше. Выбравшись из балки, за полчаса дошли до асфальтовой дороги, переодевшись в кустах перед тем, как выйти в столь приличное место. Пройдя по мосту, как и во всех порядочных сказках символизирующему раздел межу миром живых и мертвых, очутились в Черниговском.

Там нас быстро поймал водитель и запихнул к себе. Петрович планировал зашиться в дороге, но снимать штаны постеснялся. Мы с Шепелем спали на Чумичке, облепив ее со всех сторон. Люша показывала и комментировала фотографии. Вывалившись в Армавире, мы кинули вещи и Полину на вокзальной скамейке рядом с памятником какому-то паровозу и двинули на центральный рынок. (В городе жарко, солнышко благосклонно припекает). Рынок представлял собой отдельное царство, в котором было про сто все, что душе угодно: мы прошли через лабиринты с одеждой, обувью, канцелярией, хозяйственными товарами, прежде чем добраться до самого важного – до еды! И даже по продуктовому отделу мы петляли почти бегом, пытаясь догнать Люшу, очень долго, прежде чем придумали, что нам надо.

Попробовав все предлагаемые активной продавщицей сорта сыра, Чумичка сбежала заменить Полину на посту. После зелени нас догнал Петрович, пытавшийся все же купить себе джинсы, но забывший все деньги. Под предводительством Люши мы таки набрали кучу фруктов, но хурму оставили Петровичу, который тут же умотал, сказав, что мы купили СЛИШКОМ мало хлеба. После

дополнительного посещения пятерочки в поисках йогуртов, сгибаясь под тяжестью пирожков, сметаны, мандаринов, огурцов, помидоров, нескольких сортов сыра, колбасы, мяса, ряженки, простокваши, укропа, петрушки, хрена, горчицы, яблок… Мы развалились на и под скамеечкой, немного посидели, исключительно для приличия. Шепель и Чумичка, попеременно вырывая друг у друга книжку, пытаются дочитать про Маринин заплыв по океану. Но, должно быть, на голодный желудок Галкина воспринимается много хуже.

Потому, сразу по приходу Петровича с мешком хлеба и ящиком (!) хурмы, мы накинулись на еду, раскладывая хлеб прямо на скамейке и периодически обмениваясь ряженкой и простоквашей. «Превращаемся в жвачных животных». За относительно сытым желудком и котелок заварил. Все забеспокоились: где Полина, не пошла ли она тоже за хурмой?! Теряясь в догадках, мы даже темпы поглощения снизили. Но Полина вернулась с новой книжкой и урбечем из абрикосовых косточек (хотела взять коноплевые, но передумала – поезд, все-таки).

Оставив на дорогу несчастных восемь страниц Галкиной, мы нашли наш путь (и платформу). Нашли, надо заметить, не мы одни: в одном вагоне с нами расположился целый табор туристов-студентов откуда-то с Лагонаки. Во главе у них колоритный бородатый и толстый дядюшка, всю дорогу собиравший вокруг себя и своего купе (к сожалению, соседнего с нашим) толпу подопечных, с разинутым ртом внимающих бесконечным историям стиля «Из моей долгой и мудрой жизни».

Тронувшись, отобедали повторно. Вкусили абрикосовых косточек. Сильнее всего они поразили Шепеля: «Такое надо есть по чайной ложке в день и долго думать над этим». Из-за общей шумности в вагоне каждый дочитал Галкину самостоятельно, а потом еще цитаты для стенгазеты выписали.

На всех остановках Полина присматривалась к подозрительному главарю соседней банды, так что вердикт был окончательный и дальнейшему рассмотрению не подлежал: балабол, и все тут. Остаток дня и кусочек утра мы подъели почти все, (даже хурму!), только хлеб, как ни старался Петрович его изничтожить, расползся по домам.

…Бежит дорога все вперед, куда она зовет?
Какой готовит поворот, какой узор совьет?
Вперед по тысяче дорог теперь другим шагать,
А мне б — свернуть на огонек да чуточку поспать.